

Серж Карманов

ВОЕННО-МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

16+

Серж Витальевич Карманов

Военно-морские рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67072452

SelfPub; 2022

Аннотация

Забавные истории, связанные с военно-морской службой, когда корабли бороздили моря и океаны, а не ржавели у "стенки".

Содержание

Крыса	4
Мако	13
Ёлка	26
Примета	30

Серж Карманов

Военно-морские рассказы

Крыса

*Ты скуп на слёзы
ты видел грозы
ты помнишь, как они свистят,
как волны, бьют всю ночь подряд.
припев*

*Грохочет якорь и боцман бродит
бьют склянки, все матросы по бортам
Танцуют волны, корабль уходит
навстречу северным ветрам
никто не знает, что ждёт их там
Быть может розы, а может грозы
быть может штиль иль ураган
молчит и курит, нервно курит капитан
ведь это Тихий, очень тихий океан.
Ты видел море
ты был в дозоре
ты помнишь, как шумят леса
и вдаль уходят берега.
припев*

Грохочет якорь и боцман бродит

«И если очень повезёт, тебя дорога приведёт, на Тихоокеанский флот»...

Есть такая песня, её слова воспринимались как издевательство, какая тут удача, служить три года вместо двух. Пехота, танкисты и другие бойцы, передвигающиеся по суше, уже отслужат, будут ходить по гражданке, обнимать девчонков, кто то поступит в институт, кто то даже успеет жениться, а ты ещё целый год будешь служить ходить в робе и тянуть вахту. И только через несколько лет начинаешь понимать, что это действительно здорово отслужить на флоте и увидеть огромный Тихий океан.

Сначала будет тяжело морально и физически, загруженный распорядок дня, вахты, наряды, изучение корабля и заведования, давят переборки, выматывает качка. Вечером только одна мысль – добраться до койки и даже упавшая среди ночи, с трубопровода, крыса, пробегающая по одеялу, не заставит тебя подняться.

Но пройдёт какое то время и ты освоишься в этом большом железном доме, настоящем мужском коллективе, изучишь основные законы и правила, будешь летать по трапам, загорать в свободное время на тентах шлюпок, тянуть канат и ловить рыбу. И этот корабль показавшийся тебе чужим и холодным, станет близким и родным, особенно после пройденного вместе с ним шторма, ты полюбишь его, бу-

дешь знать каждую пайолину на трапе, а годы проведённые на флоте уже никогда не сотрутся из твоей памяти.

Конечно всегда есть шанс не вернуться домой, корабли иногда тонут, но ты знаешь об этом, волков бояться – в лес не ходить. Иначе не возможно, нет другого способа увидеть океан, почувствовать его мощь и красоту, просторы и разнообразие...

Зима, корабль стоит у стенки в Авачинской бухте, кругом снега, метёт пурга. Вахта у трапа, на тебе овечий тулуп, ушанка и замёрзший автомат. Северный ветер проникает сквозь овчину. В редкие увольнения натяливаешь шинель, чистишь якорь на бляхе, ботинки скрипят на морозе, море цвета стали, сине-серое и даже чёрное.

И вот корабль снимается с якоря и через несколько дней тебя встречают Курилы и Хоккайдо, на построение бегаешь в бушлате, много чаек, бакланов и олушей, ночью всё в огнях рыболовецких траулеров, загружающих в трюмы кальмар. Ветер теплеет, но море ещё холодное, насыщенного тёмно-синего цвета. Проходишь Окинаву, воздух и вода наполняются теплотой, стоишь на верхней палубе в робе и берете, на полубак запрыгивают летучие рыбы, море ярко синее, даже голубое. Ещё пару дней и ты в тропиках, тепло повсюду даже в прохладном трюме, форма одежды тропическая, рубашка, шорты, сандалии и кепка. Ближе к экватору солнце становится беспощадным, утром, как только склянки пробьют завтрак, оно уже почти в зените, корабль ложится в

дрейф, матросы заполняют бассейн и верхние палубы, отовсюду забрасывается леска с крючками, идут сражения по волейболу и канату. Ветра нет, вода и воздух одной температуры, океан сияет сапфирами и изумрудами.

Вечером солнце буквально падает за горизонт, начинается тропическая ночь. На вертолётной палубе крутят старый фильм, экраном служат огромные белые двери вертолётного ангара, рыбаки на юте до утра будут вытаскивать экземпляры ни кому неизвестных рыб.

Утром часть экипажа откосит от зарядки, начинается тропическая расслабуха, хотя зарядка в тропиках, милое дело, солнце ещё не печёт, свежий морской воздух, лёгкий ветерок, можно успеть плюхнуться в бассейн.

Послеобеденный отдых три часа, в тропиках добавляется «адмиральский» час, бассейн набит, вода бурлит, вокруг лежбище бледных котиков, на корме котельные и трюмачи обвязавшись канатом, как на тарзанке, прыгают за борт, что запрещено, но дальше котла их все равно не сошлют, а может дежурный офицер закроет глаза и простит. Всё – таки тропики. Расслабленность витает в воздухе. Пару недель назад ты мёрз в овечьем тулупе, а сейчас стоишь в шортах на полубаке и даже курить лень. Смотришь на переливающийся на солнце, окружающий со всех сторон океан, на сотни миль никого, изредка странствующий альбатрос сядет на марсе, отдохнёт и снова продолжит свой путь. Большой корабль, набитый оборудованием и людьми, как песчинка в этом безбрежном

краю. И на этом маленьком клочке суши великой страны, согласно военно-морскому уставу, проходит часть жизни матросов и офицеров.

На ходу вахта идёт своим чередом, после завтрака политинформация, потом занятия, штурмана изучают лоцию близлежащих территорий, «маслопупы» машину и механизмы, боцмана вяжут узлы, занимаются такелажем, шлюпками, «дятлы» стучат вертикальными ключами, чистят и разбирают приёмники, «пассажиры» – киномеханик, коки, погода, писаря занимаются своими разнообразными делами. Время бежит, служба идёт.

Эта история произошла в кубрике служб и команд, где в основном и жили все «пассажиры». Каждое воскресенье, по традиции, после обеда, здесь проходил турнир по «морскому козлу». Пара на пару, проигравшие выбывали, а выигравшая команда сражалась с новыми претендентами, пока её не выбьют или не прозвучит команда на ужин. Участвовали все желающие, даже молодёжь, главное сыгранная пара, понимающая друг друга, подсказки и знаки запрещены, за этим строго смотрит судья, выбираемый из уважаемых годков. Игра проходила в тишине, только кости стучали по столу, в перерыве, когда мешали камни, шло обсуждение захода, опытные игроки старались говорить кратко, чтобы другая команда не разгадала тактику игры, но иногда не сдерживались.

– На хера ты пятёрку зарубил, она же под «лысого» шла, сейчас «маслопупы» в соплях бы сидели.

Заход начинался с понедельника 1:1, игра заканчивалась за 125 или 101 очко, повесить соплю 0:0 или бороду 6:6 считалось высшим пилотажем. Выиграть в кубрике «пассажи-ров» больше трёх раз подряд было очень почётно, таких называли гвардией. Играли в основном на желание, проигравшие кукарекали сидя на «баночке», причём табуретку нередко выносили на главную палубу, скакали на четвереньках по палубе и бодались как козлы. Бывало, проигравший должен был ударить в грудь первого входящего в кубрик, ударить со всей силы, что вызывало бурное веселье, когда ничего не ожидавшему, порой и старослужащему прилетала плюха.

Однажды проигравший, коренастый рулевой Груздев должен был ударить, он стоял около двери в боксёрской стойке, но никто не входил. Все устали ждать, началась новая игра, и тут в кубрик вошёл дежурный по кораблю капитан-лейтенант Зуев, уважаемый офицер и получил сильный удар в грудь, от которого чуть не вылетел в проход главной палубы. Среди общего хохота, стоял грустный Груздь и слушал приговор – пять суток гауптвахты по приходу на базу. Когда смех стих, Зуев разобрался, в чём дело, понял, что матрос не мог нарушить слово и карточный долг, простил ему, лишь дал хорошего пинка и вышел. Часто на игру заходили «сундуки», среди них отличался Юхимчук, это был здоровый от природы, рослый мичман продотсека, с вечно недовольным выражением на лице, он мог на вытянутых руках держать по трёхпудовому мешку, легко забрасывая на плечи.

Точно также он поступал, если заставал в своём заведовании постороннего, он брал матроса за шею, отрывал от палубы и спрашивал: «Что, сучёныш, ветчины захотелось, а?» Потом бросал в дальний угол или бил в лёт, редко кому после этого хотелось вскрывать кладовые продотсека или просто шататься возле них, но и желающих поквитаться с Юхимом было множество. Юхим со своим молочным братом, хитрым и мелочным баталером, были опытной парой и играли только на чилимы. Чилим в исполнении кладовщика зрелище не для слабонервных, проигравший садился на «баночку», Юхим подносил ладонь ко лбу жертвы, с наслаждением и злорадством оттягивал средний палец, замирал на несколько секунд и спускал «курок», раздавался громкий звук и матрос, нередко, падал с «баночки».

В этот день, за час до ужина, Юхим вошёл вальяжно в кубрик и подходя к столу спросил:

– Ну что, есть тут гвардия или обосались все?

– Вот, гусар то нашёлся, – старшина боцкоманды Широков смерил взглядом вошедших и спросил у сидящих на шконках – ну кто со мной вскрыть «сундуков»?

Матросы молчали, никому не хотелось подставлять лоб под молот.

– Возьмёшь меня? – с коечки медленно поднялся трюмный Тюрин. Это был немногословный, черноволосый парень из небольшого посёлка рядом с Магаданом, со странным неподвижным взглядом слегка раскосых зелёных глаз, поло-

вину службы проведенный в трюмах и междонном пространстве. Трюмачи итак редкие гости на верхней палубе, а Тюрин мог и месяцами не вылезать наверх. Ходили слухи, что он разговаривает с крысами и даже спит с ними после вахты, но специалистом был отменным, «дед» его уважал и ставил в пример другим котельно – трюмным разгильдяям.

– Садись, Тюря, засадим им... всю клумбу цветами, – Широков начал мешать камни.

– Лобик прямо грецкий орешек, – ласково пропел кладовщик, глядя на Тюрина и игра началась.

Она шла долго, с переменным успехом и небольшим счётом, потом матросы отсекли «бороду» у баталера и увеличили разрыв в счёте, но «сундуки» замутили рыбу в середине захода, у Тюрина оказалось много шестёрок, разницу записали на них, и сумма очков перевалила за 125. Мичмана ликвидировали.

– Ну, Тюря иди к папочке, – Юхим радостно потирал ладони, и разминал пальцы, на лице его сияла зловещая ухмылка. Тюрин подошёл и молча сел на «баночку», Юхим положил ему ладонь на лоб, приготовился ударить, и тут произошло неожиданное. На середину кубрика не спеша вылезла большая крыса, медленно села на задние лапы, отчего показалась ещё больше, чёрная шкура её отливала сединой, она стала поддёргивать передними лапами и издала угрожающий звук похожий на свист. В кубрике было человек десять, все замерли и заморожено смотрели на необычное представле-

ние. Через несколько секунд мощная волна ударила в правый борт, где и находился «пассажирский» кубрик, матросы покатались в разные стороны, Юхима отбросила вперед, он сильно ударился головой о переборку и потерял сознание. Никто не получил серьёзных травм. Только Юхимчук лежал не двигаясь, разбросав в разные стороны руки. Его схватили со всех сторон и как бревно понесли в лазарет. Там он пришёл в себя после большой дозы нашатыря. Но никак не мог вспомнить, как оказался здесь. Да и некоторые матросы, потом утверждали, что крысы не было, просто массовая галлюцинация, хотя никто не пил, а насчет волны, неизвестно откуда взявшейся при слабом ветре, мнения расходились кардинально, от мёртвой зыби и остаточной волны цунами, до секретного испытания подводной бомбы американцами. Тюрин молчал, ещё больше пропадая в трюмах, а старшина боцкоманды Широков, обсуждая этот случай в курилке на полубаке, говорил, вот если бы это в Бермудском треугольнике было, тогда понятно, но ведь это родной Тихий океан.

Мако

Боевой корабль медленно двигался по безбрежному и изменчивому Тихому океану. Бывший немецкий сухогруз, полученный по контрибуции, напичканный новой аппаратурой, артустановками и обшитый бронёй, он не мог развить большой скорости, но все механизмы, дизеля, насосы, вентиляция, добротные сделанные немцами, ещё до войны, работали безупречно. Даже машинный телеграф бодро звенел, когда на мостике перекладывали рукоять, хотя все команды уже давно отдавались по ГС связи.

Командир БЧ-5 капитан 2 ранга Быков, он же Бык, внешностью оправдывал свою фамилию и прозвище, был высок, грузноват, тяжело ступал по трапу и имел привычку слегка наклонять голову вниз и смотреть исподлобья, особенно, если что то не нравилось в вверенном ему машинном отделении. Бык чувствовал машину, как доктор, слушая больного, определял болезнь, знал каждый болтик, сам показывал молодым матросам, как и где надо смазывать механизмы, какой шланг или трубку стоит поменять, а к каким без мичманов даже не прикасаться. От всех начиная с младших офицеров до матросов, требовал соблюдения порядка и регламента в обращении с машиной и ненавидел халатность.

Он стоял на площадке возле первого дизеля и не наблюдал

вахтенного, а стрелка давления основного редуктора приближалась к красному сектору, его лицо начало багроветь, а глаза наливаются кровью.

Отслуживший полтора года, большую часть из них в машинном отделении и трюмных палубах, изучая матчасть, старший матрос Дима Кульнев, подтачивал на наждачном круге крюк акулоловки, в «яме», как обычно стоял шум от работающего многотысячного табуна лошадей, но даже сквозь этот шум он услышал рёв Быка и отбросив крюк, пулей взметнулся по трапу на второй ярус к дизелям. Подбежал к командиру и стараясь не глядеть в глаза Быку, прокричал:

–Вахтенный, старший матрос Кульнев.

–Это что? – палец Быка упёрся в манометр.

–Что? сукин сын! Ты на вахте или где?

Кульнев в два прыжка очутился у обратного клапана, крутанул на два оборота, сбросил заслонку и прикрутил клапан компрессора. Давление начало выравниваться.

Бык оценил знание и быстроту матроса и пригрозив пальцем, сказал:

– Ну, Кульнев, ляжем в дрейф, чтоб здесь сидел, ... ещё такое повторится шкуру спущу!

– Пронесло, – пробормотал Дима, глядя вслед удаляющемуся «деду».

На следующий день корабль пересёк винную параллель и когда перед обедом пробили шесть склянок, по всем палубам и кубрикам прозвучал бодрый голос старпома: «Корабль

лёг в дрейф, вахта только у действующих механизмов, дежурным заступить на дежурство, команде отдыхать!»

Тропическое солнце било с небес и накрывало надстройку и рубки боевого корабля, на верхние палубы как тараканы из щелей, осторожно вылезали усатые офицеры, уже переодетые в тропичку, матросы, стайками, кто в робе, кто в шортах, галдя и радуясь, внезапному отдыху, растекались по кораблю. На вертолётной палубе связисты начали устанавливать волейбольную сетку, на полубаке трюмачи с боцманами чистили и готовили к наполнению бассейн, большая масса матросов, раздевшись по пояс, просто слонялась без дела, подставляя свои тела знойному солнцу. Шкафуты и корма наполнялись рыбаками, офицеры, раскручивали спиннинги, «сундуки» забрасывали маленькие сетки в надежде вытравить хоть что-нибудь, Кульнев с Ковбоем тащили на ют акулоловку.

Два месяца назад его земляк, старшина боцкоманды Лицов, перед сходом на берег, в парадке, зашёл к нему в кубрик и позвал: «Пошли, Димон, дело есть..»

– С тебя хоть портрет пиши, – восхищённо сказал Кульнев, глядя на ушитую форму старшины,

– Поздравляю, завтра уже во Владике гулять будешь!

Губин открыл малярную кладовую, где среди банок с красками в картонной коробке, лежала аккуратно сложенная акулоловка.

– Бери, земля, пользуйся, хотел своим оставить, да у них

есть одна, так что теперь и у мотористов будет. Кульнев застыл, не веря своим ушам и глазам, вряд ли какая памятная вещь ценнее на корабле для матроса, чем акулья челюсть, каждый хочет увезти на свою малую родину сувенир на память – настоящую челюсть акулы. Её нельзя купить, деньги мало что значат, увольнения на берег, крайне редки, в судовой лавке ничего толком не купишь, так что если бы кто то решил продать акулью челюсть – выстроилась бы длинная очередь из желающих. Её можно было только выиграть на спор, что случается, но крайне редко или поймать, что происходит тоже не часто, одному или в тандеме с владельцем акулоловки, других вариантов нет. А акулоловка вообще бесценна. После того как несколько лет назад, один недалёкий трюмач срезал лини у спасательной шлюпки для каната акулоловки и во время учебной тревоги и спуска шлюпки на воду, она чуть не перевернулась вместе с сидящим в ней экипажем, старпом запретил делать новые акулоловки раз и навсегда. Старпома уважали не только офицеры, но и матросы.

Так на корабле остались три акулоловки, одна у рулевого Тимохина из БЧ-1 и две у боцкоманды. Они передавались как по наследству, из рук в руки и все знали, чьи они.

Кульнев обнял старшину: «Спасибо Серёга, век не забуду, вот это подарок!»

– Ну ладно, ладно, чуть не задушил, ишь клешни то железные стали, – Губин улыбнулся и добавил, – приходи на шлюпочную, перед построением.

Димон под завистливые взгляды матросов, на вытянутых руках, пронёс коробку в кубрик, где его обступили салаги, восхищённо рассматривали крюк с тросом, щупали канат с большим поплавком из крашеного пенопласта.

Старпом, по заведенному обычаю, построил на шлюпочной палубе, увольняющихся в запас матросов и старшин, сказал напутственную речь о чести и достоинстве военного моряка, поблагодарил за службу, лично пожав руку каждому, и кок разлил по прощальной чарке сухого вина.

Моряки стали прощаться с экипажем, между ними ходил дежурный по кораблю, капитан—лейтенант Побережный, или Шкаф, за его высокий рост, широкие плечи, дубоватость и простоту натуры. Он подходил к отслужившим свой срок матросам и орал:

—Почему форма не по уставу, вот клёша с тебя сдеру, прямо здесь, а ты что лыбишься, это же не бескозырка, а кипа жидовская, в бубен захотел...

Старший помощник махнул ему рукой, как бы говоря, чтоб он отстал, старпом и сам не любил разряженных павлинов, самолично срывал доморощенные аксельбанты и незаслуженные знаки отличия, но сейчас не хотел портить праздник.

Главный боцман доложил, что катер спущен и моряки подхватив дембельские дипломаты, начали сходить по трапу. Сверху им, что то кричат, машут руками, они машут в ответ, у некоторых в глазах скупые слёзы, на лицах радость

и гордость, что ты прошёл службу и немного тревоги, от начинающейся неизвестной жизни.

Катер сделал круг вокруг корабля под льющийся из репродукторов марш «Прощание Славянки» и медленно направился к берегу. Дима долго стоял на баке, махая вслед удаляющемуся катеру, сердце сжималось, ещё половина службы впереди, а так хочется домой, увидеть маму и друзей, разные мысли лезли в голову, лишь щедрый подарок согревал душу. Подошёл Ковбой:

– Не дрейфь, Димон, скоро и мы там будем, – потом почесал затылок и предложил взять его в напарники.

Сегодня его первый лов, солнце греет макушку, Кульнев немного напряжён, а Ковбой вразвалочку, тащит впереди канат и объясняет позади идущему Диме, держащему крюк с тросом:

– Главное не дёргайся, будь спокоен, как Блондин перед выстрелом, куда она денется, когда на крюк оденется.

Ковбой, он же Юра Порошенко, одноклассник Димы по призыву, жизнерадостный харьковский хохол, хитроватый и пузатый, любитель ковбойских вестернов, которые он мог пересказывать часами в кубрике или в курилке на полубаке. Однажды, когда заболел почтальон, он с берега вместе с почтой притащил фильм «Хороший, плохой, злой», добытый им на кораблях у стенки, который смотрели всем экипажем несколько раз, под комментарии Ковбоя.

На юте уже копались с акулоловкой Тимоха с товарищами:

– Маслопупы пожаловали, конкурирующая фирма.

– Какие вы нам конкуренты, новичкам всегда везёт, – миролюбиво отвечает Ковбой. Неожиданно им дорогу преграждает в белой робе с открахмаленным синим гюйсом, годок флота российского, коренастый сигнальщик Супруненко.

– Дай – ка, Ковбой, помогу донести, – берёт у Юры канат и, глядя на Кульнева произносит: «Тебе, Димон ещё служить и служить, а мне на службу х.. ложить, после похода на сход собираться, так что вместе ловить будем!»

И зычно кричит собравшимся у лееров зевакам:

– Расступись, дрищи...

Хохол насаживая кусок сырого мяса, добытый с большим трудом на камбузе, уточняет: «Если первая сорвётся, то вторая наша»

– Ты, Ковбой, не забывай, с кем разговариваешь, ультиматумы тёще будешь ставить, – годок берет крюк с наживкой и лихо забрасывает за борт. От кормы, покачиваясь на волнах, отходят две акулоловки, боцмана, где то задержались.

Через минут двадцать появляется акула, делает круг вокруг акулоловок, на юте нарастает ажиотаж, все места у лееров заняты, стоит сплошной гул, как перед рок концертом, хищник направляется к штурманской акулоловке, медленно подплывая, трётся о наживку головой и неожиданно, делает поворот в сторону другой акулоловки. Дима слегка подтягивает канат как бы подманивая хищника и вдруг из глубины стремительно выходит другая акула, толкает мордой кусок

мяса, слегка поворачивается и резко заглатывает его. Дима начинает быстро тянуть, ещё не веря, что акула на крючке, Супруненко с Ковбоем подхватывают канат, со всех сторон крики и лезущие с советом руки.

– Тащи ровно, без слабину, не мешать, заткнулись все! – лицо Супруненко сосредоточено, он быстро, но равномерно работает руками. Хищник трясёт мордой, сильно не упирается пока находится в воде. Но как только оказывается у борта корабля и выходит из воды, начинает ожесточенно бить по корпусу корабля мощным хвостом, раскрывая пасть и изгибаясь всем телом, наносит сильные, глухие удары, но крюк прочно засел в её глотке, акула постепенно поднимается вдоль борта.

– Ковбой, хватай трос и переваливай, – орёт красный от напряжения Супруненко.

Ковбой перехватывает трос, приподнимает его над леерами, резкий дружный рывок каната и акула падает на палубу.

Крики стихают, морского охотника уважительно разглядывают и обступают со всех сторон.

– Вот это дура..

Почти трёхметровая акула лежит на животе, слегка шевеля хвостом, её черные бездонные глаза тоже рассматривают людей. Из пасти торчит крюк с тросом, кожа блестит и переливается на солнце, тело сигарообразной формы кажется совершенным. Дима вцепился в канат, не в силах разжать пальцы и оторвать взгляд от акулы. Супруненко с Ковбоем

обходят акулу и хватают её за хвост.

Подходит Дантист и выверенным сильным ударом пожарного кранца наносит удар по голове, потом деловито произносит: «Наркоз, оглушающий».

Акула обмякла и затихла. Дантист вставляет деревянные бруски и кусок арматуры в раскрытую пасть, ещё раз, уже не сильно, бьёт кранцем по голове, и начинает филигранно, скальпелем, вырезать челюсть. Дантист, котельный машинист Клюев, за отсутствием на корабле стоматолога, научился лихо выдирать зубы нуждающимся, используя не только щипцы, но и шкивно – лебёдочные механизмы, вторым его хобби было удаление челюсти у акул.

Разгребая толпу, за спиной Димы вырастает Бык:

– Кульнев, почему не у дизелей, а.. табанишь?

– Да к, молодой матрос Абрамович сейчас на вахте, иди, говорит, Дима, отдыхай, а я тут заведование пока изучать буду, – оправдывается Дима, и переводит стрелки, показывая на распластанное тело, – товарищ капитан 2-го ранга, а я тут акулу поймал.

– Вижу, не слепой, ты хоть знаешь, что это за зверь? – голос Быка добреет, он пристально рассматривает боковые плавники и заострённую голову.

– Да к, акула..

– Это не просто акула, дубина, это мако, опасный хищник, не хотел бы я с ним в одной акватории находиться, зайди потом на пост, доложи и осторожнее она и без челюсти задаст

шороху, – покачиваясь, Бык уходит на шкафут.

Клюев аккуратно вырезал челюсть, посмотрел на Кульнева и спросил:

– Кому? – Дима кивнул на довольного сигнальщика.

Супруненко бережно взял челюсть и произнёс речь.

«Это не просто челюсть, это челюсть мако, моя челюсть мако, запомните души морские, что значит быть в нужном месте, в нужный час».

Дантист вытащил крюк и арматуру распирающую глотку, акула закрыла беззубую пасть и дернулось всем телом несколько раз.

Склянки пробили полдень, радостный звук, время обеда. Матросы потянулись в направлении камбуза.

Чуть в стороне облокотившись на эндшпиль, наблюдал эту картину Химик, специалист химслужбы, попросту «пассажир» на корабле, так как целыми днями занимался исключительно своими делами, кроме рапорта на мостик два раза в сутки: «Уровень радиации ноль. Доложил старшина 2-ой статьи Иконников». Пробу воды, он естественно не брал, безапелляционно утверждая:

– Что мне делать больше нечего, я и так вижу.

При этом был постоянно чем– то занят, паял, лепил, мастерил в своей каморке и придумывал различные розыгрыши. Вот и сейчас, Химик, думая о чём – то своём, не спеша подошёл к Дантисту:

– Хватай её, и потащили на полубак, есть одна мысль, Ди-

мон, отдай акулоловку Ковбою, пусть тренируется, бери за хвост, давай подсоби.

Так втроём, накрыв брезентом, Дантист впереди, Химик, обхватив за талию, как любимую женщину и Кульнев сзади, они потащили акулу на нос корабля.

– Чё там тащите? – интересуется любопытный мичман, закидывая со шкафута самодельный трал.

– Раненого, – глядя вперёд, отвечает Химик.

– На колчаковских фронтах, – добавляет Дантист.

– Ну, ... ну, – «сундук» перегибается за борт, рассматривая плавающую на поверхности сетку.

Акулу притащили на полубак и положили возле бассейна. Бассейн, квадратный железный куб, шесть на шесть метров, окрашенный с двух сторон шаровой краской, возвышался почти на два метра над полубаком. Сверху, на шлюпочной палубе, боцмана уже установили деревянный настил, чтобы можно было удобно запрыгивать или спускаться по трапику в бассейн, на полубаке, всё ещё толкались два трюмача, завинчивая вентили. Химик объяснил, что акулу надо аккуратно, пока все ломанулись на обед, спустить в бассейн и ждать, но, чтоб рот на замке, ничего не знаю, ничего не видел.

– Какой базар, само собой, – трюмачи дружно закивали. Акулу, равнодушно лежащую на брюхе, похоже не понимающую что с ней сделали и всё ещё прибывавшую под наркозом пожарного кранца, бережно перебросили в бассейн. Акула несколько секунд лежала не шевелясь, похоже не веря, что

снова очутилась в морской воде, потом ожила, сделала разворот и начала исступлённо кружиться по дну бассейна, как будто ища выход.

А в это время капитан–лейтенант Побережный, пользуясь тем, что бассейн только что наполнен и пока никого нет, напевая бодрый марш, пробирается по шлюпочной, уже надев плавки. Он с довольной улыбкой, разбегаются по настилу и... прыгает в бассейн, ныряет и... как пробка из-под шампанского выпрыгивает из воды. С округлёнными глазами, не касаясь трапа, через секунду оказывается на настиле бассейна, размахивает руками, жестикулирует, глотая воздух и спустя некоторое время, наконец, орёт: «Акула, там акула, вот сука».

Не в силах сдерживаться, на полубаке, покатываясь за бортом бассейна, начинают громко хохотать матросы, на шлюпочной палубе, на крик подтягивается народ. «Шкаф» изумлённо озирается вокруг и не в состоянии ничего понять, объясняет собравшимся:

– Здоровая белая акула, бл..., чуть инвалидом не стал.

Пришёл старпом, всё быстро прояснилось, кто то закинул акулу в бассейн. Офицеры и матросы разглядывали акулу как в аквариуме:

–Ишь ты резвая, как она шкаф не повредила.

Акулу выловили из бассейна и на канатах спустили в воду, она махнула хвостом и всё- таки оказалась в родной стихии. Старпом сказал, чтоб нарушитель был через час у него

и все потихоньку начали расходиться. Акула была выловлена только одна и все знали, на чью акулоловку и кто поймал.

Дима зашёл в каюту старпома: «Старший матрос Кульнев по Вашему приказанию прибыл!»

Старпом внимательно посмотрел на него:

– Кто всё это затеял, ты ведь не скажешь? Чего молчишь? Да, забавный эпизод, – старпом усмехнулся, а если бы капитан – лейтенант Побережный, или кто другой, травму получил, что в дисбат тебя? А?...

Дима стоял по стойке смирно, стараясь не моргать, и думал, почему то об акуле, как она будет жить без зубов.

– Ладно, иди, передай командиру БЧ-5, чтоб сам тебе назначил наказание.

Вечером в кают-компании ещё долго ржали офицеры, заведя Шкафа:

– Ты смотри, белая, через насосы прошла...

Рано утром, как только склянки пробили шесть раз, корабль снова двинулся в путь, по бескрайнему океану.

Ёлка

Ничего бы этого не случилось, если бы старпому не пришла в голову мысль установить живую ёлку на корабле, начало декабря, недавно пришли из похода, экипаж устал, почему бы и не устроить настоящий новогодний праздник. Корабль стоит на рейде в Авачинской бухте, кругом леса, договориться в гарнизоне о вырубке ели ничего не стоит.

Посоветовавшись с кепом, старпом назначил и проинструктировал спецкоманду лесорубов-садоводов и уже на следующий день катер с молодым офицером Карасёвым и пятью бывальыми матросами отошёл от борта.

Отслуживший больше двух лет, старшина 2-ой статьи Абашев, как только сошёл на берег, начал упрашивать Карасёва:

–Тарищ.., лейтенант разрешите метнуться за парой-тройкой флаконов, очень быстро, зашкерим на катере, никто не узнает, а боцмана ночью распакуют, тихо и аккуратно.

Все остальные брели не соблюдая строй и согласно кивали, в стране шла очередная идиотская компания борьбы с пьянством.

–Вы что, Абашев, хотите из за нескольких бутылок борматухи, меня перед старпомом подставить, хорошей водки всё равно не найдете. Я лучше буду очищенное шило пить,

чем эту бурду, и Вам не советую, – Карасёв был из кадровых питерских офицеров и всегда обращался на «Вы», даже когда хотел дать хорошего пыра.

Он шёл широким строевым шагом, не останавливаясь, поправил фуражку и скомандовал:

– Давайте-ка прибавим, не разбредаться, держать строй.

Абашев понял, что Карася не пробьешь, смачно сплюнул, процедив: «Да где очищенного то найти», – и зашагал вперед, разбрасывая прогарами рыхлый снег.

Ель выбрали относительно небольшую, около трёх с половиной метров, аккуратно выкопали, корни вместе с землёй обернули мешковиной и двинулись в обратный путь. Пока добрались и ждали катер, уже стемнело, все торопились успеть к ужину, ель кое-как закрепили, корни свисали за борт, а макушка выглядывала за форпик. Катер набрал скорость и на середине пути, на встречной волне сильно трянуло, и ель свалилась в воду, Абашев, сидящий рядом успел ухватить двумя руками крону дерева, но при очередном толчке вывалился за борт, зацепившись ногами за транец, но ель не отпустил. Его ели успели схватить за ноги и вместе с ёлкой затащить в катер. Через полчаса ель прошедшую морское крещение, устанавливали в широком металлическом фитиле на вертолётной палубе, налили воды и утрамбовали несколько мешков земли, Абашева фельдшер в лазарете натёр спиртом, и дал хлебнуть шила внутрь.

Через два дня, кеп неожиданно получил приказ двигать-

ся в район Марианских островов. Корабль быстро подготовили к бою-походу. Ёлку закрепили на дополнительных растяжках и она прошла вместе с экипажем суровые сороковые, субтропики и тропики. Её трепали ветра, омывали дожди, грело солнце, о ней заботились, укрывали плёнкой от сильных ветров, Карасёв поливал различными растворами, по рецептам из судовой библиотеки, ночью вахтенный на юте поднимался проверить крепления. В последних числах декабря корабль добрался в заданный район, успешно провёл боевые работы и залёг в дрейф.

Наступило 31 декабря и экипаж, построенный на вертолётной палубе для утренней поверки и поздравления командира корабля с наступающим Новым годом, увидел, как ель расцвела, это было настоящее чудо, она вся покрылась маленькими шишечками-бутончиками и переливалась в лучах утреннего тропического солнца.

Матросы и офицеры сгрудились после поверки вокруг ели и даже суровые, обросшие ракушками моряки улыбались, глядя на этого чудо природы, распутившееся посреди жестокого, но тёплого Тихого океана.

После обеда ёлку украсили игрушками, светящимися гирляндами и вечером старпомом был организован весёлый праздник. Фельдшер был наряжен Снегурочкой с вульгарно накрашенными губами и набитыми ватой грудями, замполит нарядился дедом Морозом и торжественно вручал матросам и офицерам разнообразные подарки, что то вроде пачки си-

гарет или авторучки, отметили особой грамотой и Абашева, спасшего ель из воды. Кок вынес чайники с чаем и гору булочек на подносе. Старослужащие, успевшие уже изрядно накатить, курили около лееров вертолётки, молодёжь уплетала булочки, сидя на баночках. Офицеры слегка под шафе, кадрили Снегурку, отпуская едкие замечания по поводу перекошенной груди и волосатых ног. Чуть позже появились рослые моряки переодетые добрыми, красноносими старичками-гномами, которые выталкивали матросов и офицеров к ёлке, заставляли петь песни или плясать, потихоньку всё смешалось в один большой хоровод, где с воплями отплясывали, размахивая разноцветными бородами из пакли, гномы, скакала, задирая ноги Снегурочка, ревел пьяный Дед мороз-замполит, топали матросы.

Гремела музыка, хлопали самодельные петарды и это всё посреди безмолвного Тихого океана, где на сотни миль ни единой живой души, только мерцающие на небе звёзды, сливающиеся с горизонтом, накрывали боевой корабль.

Этот был необычный, какой-то не военный Новый год в тропиках, а чудесную ёлку, ставшую за время похода как бы членом экипажа, по возвращению на Камчатку, бережно упаковали и высадили в парке, недалеко от базы, рядом установили табличку: Эта ель встретила Новый 1986 год в районе экватора вместе с экипажем боевого корабля.

Примета

Во время перехода с Камчатки до Сахалина сломалась антенна дальней связи с Центром управления полётами, вернее вышло из строя оборудование, обеспечивающее бесперебойную работу антенны. Командир корабля капитан 2-го ранга Григорьев вызвал командира БЧ-4 и приказал устранить неисправность, но ни командир БЧ-4 капитан-лейтенант Жирековский, ни другие специалисты и командиры подразделений не смогли починить антенну, о чём вспотевший и измазанный солидолом Жирековский безапелляционно сообщил командиру:

– Надо менять оборудование.

Капитан доложил в штаб и оттуда пришёл приказ двигаться во Владивосток.

Кеп чертыхаясь и матеря Жира, что редко с ним бывало, изменил курс и на следующий день, к вечеру, корабль встал на рейде бухты Золотой Рог.

И тут случилось непредвиденное, штаб флота направил на корабль гражданского специалиста из конструкторского бюро, которое и разрабатывало оборудование антенны. Специалиста звали Елена Викторовна. Если матросов это известие скорее веселило и забавляло, то офицеры возмущались, негодовали и в один голос трубили:

–Женщина на корабле – быть беде.

На торговом, гражданском флоте встречались представители слабого пола, но военно-морской флот свято чтит традиции Петра.

Как утверждал капитан 3-го ранга Крюкин или просто Крюк, за тринадцать лет вдоль и поперёк избороздивший Тихий океан:

– Лучше пробоины в трюмах, чем бабы на кораблях.

Офицеры ещё долго митинговали в кают-компании, называя штабистов береговыми крысами, а Жиру криворуким, но экипажу надо выполнять поставленную задачу и двигаться вперёд, а не торчать в порту на рейде.

Утром всё пространство правого борта было заполнено, бинокляры всех палуб и даже сигнального мостика направлены на подходящий катер. Шло живое обсуждение одиноко сидящей фигурки в тёмном плаще.

– Брюнетка с голубыми глазами, ведьма, будет оргии устраивать!

–А как она в галюн ходить будет?

–Эй Лупу, ты когда последний раз женские трусы видел?

– Он их и до службы не видел, в Молдавии тёлки без трусов ходят, – матросы хохотали, толкая и подзадоривая, друг друга.

Офицеры стояли с мрачными лицами, молча рассматривали женщину, как мишень на стрельбах и когда она стала подниматься по трапу, не сговариваясь, шарахнулись в сто-

рону, как от проказы, освобождая широкий проход по главной палубе.

Старпом встретил специалиста и провёл в кают-компанию, перекусив в тишине и одиночестве, она сказала, что ей надо отдохнуть, только что прилетела с Новосибирска и сразу на корабль, а завтра она займется антенной. Старпом утвердительно кивнул и не говоря ни слова, проводил в каюту, которая находилась в кормовой надстройке, подальше от офицерской палубы.

Вечером, дозаправившись и получив дополнительные инструкции из штаба, корабль, выбрав якорь, вышел в Японское море.

Японское море, в северной части и летом было беспокойно, постоянно дули западные пассаты, бродили волны и моросили дожди, а сейчас в октябрьских сумерках оно выглядело особенно зловещим.

В центральном посту стояла тишина, старпом курил, приоткрыв броняшку на мостик и оттуда тянул холодный сырой воздух, капитан сидел в своём кресле и сквозь большие панорамные стёкла смотрел на волны, медленно потягивая крепкий кофе из большой глиняной кружки. Капитан и старпом давно знали друг друга, вместе окончили училище в Ленинграде, служили на Балтике в разных частях, кепа направили на эсминец, старпом молодым лейтенантом попал на БПК. Через некоторое время судьба снова свела их вместе, Григорьев дослужился до командира большого боевого корабля,

выполняющего спецзадачи в Тихом океане, а старпомом к нему был назначен капитан 2-го ранга Новиков. Оба одного звания и возраста, они не соперничали, а как бы добавляли друг друга. Капитан был тяжеловат и медлителен, обладал рассудительным, покладистым характером, любил пофилософствовать на различные темы, рассматривая собеседника тёплыми карими глазами и попивая кофе в неограниченном количестве, как бы приглашал к обсуждению вопроса. Старпом, напротив был подтянут, суховат, категоричен и резок в суждениях, молча смотрел пронзительным взглядом голубых глаз и отдавал краткие команды.

В рубку с шумом ввалился штурман, старший лейтенант Киселёв.

–Вроде и волна не сильная, а качает будь здоров, – пробурчал, как бы оправдываясь, и глядя на капитана чётким голосом проговорил: «Разрешите обратиться?»

Кеп поднял свои внимательные глаза и наклонив голову, произнёс: «Разрешаю».

–Расчётное время подхода к Сангарскому, завтра, около 22—00. С учётом сильного восточного течения в проливе, плохой видимости, возможной провокации японцев, – штурман немного замялся, – и опасного груза на борту, рекомендую пройти пролив на рассвете.

–Она всё-таки женщина, а не водородная бомба, – глядя на волны, заметил капитан, – хорошо штурман, завтра доложите время прибытия в назначенный квадрат для стрельбы.

–Есть. Разрешите идти?

–Идите.

–Совсем ещё молодой, а тоже во все эти суеверия верит, – всё также, не отрывая взгляда от волн, усмехнулся капитан.

–Рыб на дне кормить никому не хочется, да и какие суеверия, от баб один бардак в мужском коллективе, – старпом потушил сигарету и захлопнул бронягу.

– Сам то, Володь, веришь в приметы? – командир взглянул на старпома.

– В приметы я не верю, но надо всё проверить, предчувствие какое-то не хорошее, – старпом одел фуражку, попрощался и вышел из рубки.

Через день, утром, во время прохождения Сангарского пролива, она осторожно вошла в рубку в элегантном брючном костюме, немолодая стройная женщина с уставшими глазами и ровным спокойным голосом доложила:

– Оборудование исправлено. Можно проверить антенну в тестовом режиме.

Капитан слез с кресла, пожал руку:

– Спасибо. Не ожидал, что так быстро.

Он заметил сломанный ноготь на указательном пальце, свежие царапины на руке, понял что она весь день и всю ночь до утра разбиралась с неисправностью, ещё раз от всей души поблагодарил:

–Спасибо. Отличная работа. Отдыхайте.

Потом снова уселся в кресло, когда она ушла, и вызвал по

гэске Жира.

Жирековский, ещё молодой офицер тридцати с лишним лет, но уже с двойным подбородком и сползающим брюшком стоял перед капитаном, потупив голову, как бы рассматривая настил рубки.

– Оказывается можно без всяких авралов и измазанных рукавов, спокойно за сутки сделать свою работу. Может Вам лучше на берег, у пивного ларька руками размахивать и небылицы рассказывать.

В назначенное время корабль прибыл в условленный квадрат и после успешных стрельб и обнаружения подводной лодки вероятного противника, двинулся на базу.

Настроение экипажа было приподнятое. Матросы окончательно перестали верить в злой женский рок и веселились, слушая в курилке различные байки связанные с нахождением гражданского специалиста на корабле.

Баталер Гасанов, сын азербайджанского народа, вальяжно облокотясь на леера и подёргивая короткие усики, утверждал, что встретил около каюты прекрасную Елену, угостил воскресными булочками с изюмом, и она растаяла, а потом в каюте страстно кричала и брыкалась как пойманная лань. И под дружный хохот продолжал: «Ей пачему не вэришь,..звэрь, а не жэнщина!».

Офицеры стали благосклонно поглядывать в её сторону, здороваться и желать «приятного аппетита» за обедом. Профессионализм даже в чёрте вызывает уважение. Она по-

прежнему сидела одна за столом, никого не разглядывая, изредка поднимала свои серые с поволокой глаза и сухо говорила «спасибо».

До Камчатки оставалось не более двух дней хода, как командир получил штормовое предупреждение. К ним двигался тайфун с чарующе роковым именем Кармен, который час назад потопил рыбацкое судно.

В Центральный пост был срочно вызван командир метеослужбы, который разводил руками и говорил, что на наших картах ничего нет, но он перехватил японскую метеокарту и там действительно обозначен мощный циклон, который изменил направление и движется за нами в след.

—Когда он нас настигнет? — кратко спросил старпом.

—Скорость тайфуна, судя по японскому прогнозу увеличивается, скорость ветра достигает шестидесяти метров в секунду, полагаю, часов через пять-шесть он будет в нашем районе.

Стояла прекрасная погода, небольшие волны катились в безбрежную даль, сквозь облака светило солнце, ничего не предвещало беды, но по кораблю уже забегали матросы и офицеры, готовя посты и заведования к шторму.

Старпом ещё раз проинструктировал аварийные команды, как действовать в случае обнаружения течи корпуса. Побывал в машинном и котельном отделениях, а сейчас смотрел, как боцмана работают на верхней палубе.

Тайфун подошёл как всегда неожиданно, небо сразу заво-

локло низкими тёмными тучами, скорость ветра усилилась, и волны начали атаковать корабль. Они постепенно нарастали, поднимаясь из морских глубин, закручивались ветром в огромные спирали и обрушивались на корабль. Небо и море слились в одну крутящуюся вращающуюся стихию. День или ночь уже нельзя было понять, сплошная темнота, свист ветра и глухие удары волн, накрывающие даже капитанский мостик. Полетел основной дизель и на корабле включилось тусклое, навивающее тоску аварийное освещение.

Матросы и мичмана с бледными лицами, качаясь, бегали по тревоге от отсека к отсеку, укрепляя пластырем с распорами, корпус судна, казалось, отовсюду звучал голос Крюка:

«Что расслабились? А я ведь предупреждал, не будет счастья пока баба на корабле!»

Треть экипажа на вахте и дежурствах, часть лежали прикованные к койкам, не в силах подняться, остальные пытались, что то делать полезного, закрепляли оборудование и инвентарь, несмотря на сплошную болтанку, да и лежать в кубрике под мерцающим освещением, слушать грохот волн и думать выдержит корпус или нет, тоже не здорово.

Хуже всего в трюмах, нет ощущения, что ты идёшь по палубе, может по борту или даже потолку, темнота, духота, вентиляция не работает, проносятся обезумевшие крысы, перекачиваются и звенят оторванные болты, при этом трюмачи ухитряются закреплять шланги и перекачивать топливо из цистерн, выравнивания крен или дифферент.

Так продолжалось двенадцать часов, экипаж измотался и устал, но монотонно боролся со стихией, волны поднимали и бросали огромный корабль, ещё немного и казалось он переломиться пополам, но он упорно двигался вперед.

И когда уже вера покинула некоторых моряков, неожиданно ветер стих, тучи стали светлеть и уменьшаться, вдали, на горизонте блеснул скромный луч северного солнца. Волны ещё били по кораблю, но старпом сообщил по всем постам: «Отбой аварийной тревоги. Командирам БЧ доложить о неисправностях».

Потрёпанный, с погнутыми леерами и трапами, оторванной спасательной шлюпкой, частично не работающими механизмами, на одном дизеле, с изогнутым пером руля, корабль медленно, но уверенно приближался к родной бухте.

– Чтоб я ещё раз взял женщину на борт, ни за что, до сих пор не понимаю как мы вырвались из этого ада, – командирпил кофе, сидя в своём обтянутом черной кожей вращающемся кресле, рядом стоял старпом и молча смотрел на приближающиеся очертания камчатского берега.

Им и страшном сне не могло присниться, что через пять лет по постановлению Гайдара и его команды, их боевой корабль продадут на металлолом. Как многие другие корабли, он будет ожидать своей участи на корабельном кладбище в индийском Аланге, вдали от своей страны, берега которой он столько лет защищал.

А из их флотилии на Камчатке, состоящей из шести уни-

кальных кораблей останется только один, на котором будут служить вольноопределяющиеся женщины.